

Образ протопопа Аввакума в публицистике Марка Алданова

Владимир В. Шадурский

*Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия, shadvlad@mail.ru*

Аннотация. В работе проведен анализ мотивов обращения Марка Алданова к наследию протопопа Аввакума. Наиболее эмоциональное отношение к Аввакуму Алданов проявляет в публицистике. В сборнике «Армагеддон» Алданов создает образ Аввакума, чтобы с его помощью показать причины неприятия большевиков. В личностях Аввакума и Ленина Алданов обнаруживает общие черты: соединение гениальности и варварства. По мнению Алданова, Аввакум стал примером для фанатичного бунтаря Ленина, расколовшего российское общество. Алданов не показывает Аввакума как самостоятельного персонажа повествования, его образ создается из цитат, аллюзий, комментариев поступков. Детали и мотивы «аввакумовской» темы из публицистических статей переходят в очерки, в художественную прозу, в книгу философских диалогов «Ульмская ночь». Образ Аввакума в прозе Алданова раскрывается по-разному. В публицистике 1918–1920-х гг. экспрессивно и сатирически представляется «гениальный варвар», своеобразный прототип бескомпромиссных революционеров и большевиков, которых ненавидит Алданов. В 1930–1950-е гг. аввакумовские мотивы Алданов использует в произведениях другого пафоса, но способы портретирования персонажей, приемы выстраивания диалогов обнаруживают сходство с теми, что использовались еще в книгах «Армагеддон» и «Огонь и дым».

Ключевые слова: образ, Марк Алданов, протопоп Аввакум, публицистика, очерк

Для цитирования: Шадурский В. Образ протопопа Аввакума в публицистике Марка Алданова // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 9. С. 73–81. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-9-73-81

The image of archpriest Avvakum in the journalism of Mark Aldanov

Vladimir V. Shadursky

*Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod,
Russia, shadvlad@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the motives for Mark Aldanov's appeal to the legacy of Archpriest Avvakum. Aldanov shows the most emotional attitude towards Avvakum in journalism. In the collection "Armageddon" Aldanov creates the image of Avvakum in order to show the reasons for the rejection of the Bolsheviks. In the personalities of Avvakum and Lenin, Aldanov reveals common features: a combination of genius and barbarism. According to Aldanov, Avvakum became an example for the fanatical rebel Lenin, who split Russian society. Aldanov does not show Avvakum as an independent character in the narrative, his image is created from quotes, allusions, comments on actions. The details and motives of the "Avvakum" theme from publicist articles pass into essays, fiction, and the book of philosophical dialogues "Ulm Night". The image of Avvakum in Aldanov's prose is revealed in different ways. The journalism of the 1918–1920s. expressively and satirically presented the "genius barbarian", a kind of prototype of the uncompromising revolutionaries and Bolsheviks, hated by Aldanov. In the 1930–1950s. Aldanov uses Avvakum's motives in his works of a different pathos, but the methods of portraying characters, methods of building dialogues reveal similarities with those used in the books "Armageddon" and "Fire and Smoke".

Keywords: image, Mark Aldanov, Archpriest Avvakum, journalism, essay

For citation: Shadursky, V.V. (2020), "The image of archpriest Avvakum in the journalism of Mark Aldanov", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 9, pp. 73–81, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-9-73-81

Марк Алданов – наиболее популярный писатель русской эмиграции первой волны, ценитель европейской культуры. Но в его прозе, наряду с рецепцией русской классической литературы XIX в. [Шадурский 2016], осуществлялась рецепция древнерусских сочинений. Изучение алдановского восприятия древнерусских писателей еще только началось [Шадурский 2019], а неожиданные и почти провокационные высказывания Алданова в отношении Аввакума нуждаются в первоочередном рассмотрении.

На страницах алдановских книг Аввакум раскрывается как писатель, как идеолог старообрядчества, как преобразователь литературы.

Первое сочинение Алданова, в котором упоминается Аввакум, – «Армагеддон» (1918). В книге подняты злободневные политические и социальные темы, сразу после издания она была запрещена большевиками. Делая обзор разных бунтовщиков и революционеров, Алданов заостряет внимание на личности протопопа Аввакума и В.И. Ленина. Аввакум, по мнению Алданова, выступает в роли предтечи Ленина, причем его влияние исключительно отрицательное. Некоторые особенности идеологии и поведения ненавистных большевиков Алданов связывает с губительным воздействием «огнепального протопопа»:

Г. Ленин несомненно очень выдающийся человек, но он примитивен, как протопоп Аввакум, которого сильно напоминает и первобытностью своего полемического темперамента...¹

Ленина он уподобляет протопопу «своей ненавистью к противнику, глубоким презрением к чужой мысли... – черта гения в одном случае, черта варвара в ста других»². Алданов саркастически пишет о языковых приемах, которые Ленин мог позаимствовать у Аввакума: «В полемическом обиходе г. Ленина весь словарь аввакумовских ругательств, разумеется, несколько модернизированный...»³. Особого мастерства «вождь мирового пролетариата» достигает в выражении своей злобы, по словам Алданова,

... неподражаема его гневная статья о г. Зиновьеве... Совершенно так же честил Аввакум ученика, который как-то пошел против его воли: «Не помышляй себе того, дурак, еже от Бога тебе, кроме покаяния, помиловану быти... Да придет на тя месть Каинова, и Исавова, и Саулова, да пожжет тя огонь зко содомлян, аще не зазришь души своей треокаянной! Кайся, трехглавый змий, кайся, собака дура!» Аввакумов ученик, как и г. Зиновьев, действительно, немедленно покаялся⁴.

Алданов цитирует аввакумовское «Письмо к Алексею Копытовскому». Однако цитата, в таком виде использованная Алдановым, создает превратное впечатление о ненависти протопопа к своим ученикам: «Кайся, треглавный змей, кайся! Еще ти даю

---

¹Алданов М.А. Армагеддон // Алданов М.А. Армагеддон. Записные книжки. Воспоминания. Портреты современников / Сост. Т.Ф. Прокопов. М.: НПК «Интелвак», 2006. С. 62.

²Там же.

³Там же.

⁴Там же. С. 63.

нарок покаяния, да нечто малу отраду примешь; аще ли ни, будет так, еже выше рекох. Собака, дура!»⁵. Алданов несправедлив, когда оставляет лишь инвективы и не показывает разнообразные интонации речи Аввакума, в которых проявляется доброта, забота, участие.

В другом месте своей статьи Алданов, ценящий жизнь и ее блага, с неприязнью отзывается об аввакумовском неприятии богатства:

Протопоп царя Алексея Михайловича тоже не жаловал буржуазию: «Любил вино и мед пить, и жареные лебеди, и гуси, и рафленные куры: вот тебе в то место жару в горло, губитель души своей океяной...». Весьма вероятно, что Аввакум стоял бы теперь за додушение буржуазии и за отправку капиталистов «на шесть месяцев в рудники»⁶.

Алданов дословно цитирует «Беседу о наятых делателях»⁷, в которой, конечно, нет речи о буржуазии, но проявляется пренебрежение гастрономическими изысками – признаком сытой господской жизни. Автор «Армагеддона» упрекает Аввакума в разнообразной ненависти, в основе которой – неприятие целого класса богачей.

Аввакум как образ раскрывается и в тех цитатах, которые Алданов берет из его знаменитого «Жития»:

Зато в отношении свободы слова протопоп был, при всей своей ненависти к латынникам, много либеральнее г. Ленина. «Чудо, – говорил он о никонианах, – как-то в познание не хотят прийти? Огнем да кнутом, да виселицею хотят веру утвердить! Которые-то апостолы научили так – не знаю... Те учителя явны, яко шиши антихристовы, которые, приводя в веру, губят и смерти предают: по вере своей и дела вроят таковы же»⁸.

Алданова нельзя заподозрить ни в малейшем искажении текста: все это прямые цитаты соответствующих мест «Жития»⁹. Другое дело, что, не принимая личность Аввакума, Алданов использует его

---

⁵ *Аввакум*. Письмо к Алексею Копытовскому // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. М.: Гослитиздат, 1960. С. 237.

⁶ *Алданов М.А.* Указ. соч. С. 63.

⁷ *Аввакум*. Из беседы десятой. Беседа о наятых делателях // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. М.: Гослитиздат, 1960. С. 148.

⁸ *Алданов М.А.* Указ. соч. С. 65.

⁹ *Житие протопопа Аввакума*. СПб.: Наука, 2019. С. 52.

стиль лишь в сатирических целях, недооценивая содержание сочинений. Так, в «Книге толкований и нравочений» «Аввакум рассуждает не только о скором конце света, но и рассказывает о том, как никониане подготавливают приход антихриста в мир» [Сочива 2016, с. 45]. Алданов же перенес библейский образ Армагеддона в пространство революционной России, но в эсхатологических настроениях Аввакума он так и не почувствовал близость своему представлению о мире.

Зато Алданов отметит «фанатизм»¹⁰ протопопа Аввакума и в книге «Огонь и дым», снова соотнесет его с фанатизмом «большевистского Аввакума»¹¹. Здесь Алданов вспомнит сведения из биографии Аввакума, чтобы создать неожиданный образ Ленина-«раскольника». В статье «Группа “Clarté” и ее вдохновители» Алданов напишет то, что можно проиллюстрировать парадоксальной формулой: Аввакум – раскольник в своем отношении к новому, Ленин – в своем отношении к старому:

Да, он раскольник. Или вернее, в нем есть и раскольник. В душе Ленина живет подлинная жгучая ненависть к старому миру. Он ненавидит и презирает все проявления буржуазной цивилизации...¹².

Ленин в очерках этой книги представлен более опасным, нежели Аввакум. Если у протопопа оружием была художественная речь, то у Ленина – весь набор современного политического арсенала:

Но если б этот человек был только раскольник, он не был бы так страшен. В Ленине ограниченный фанатик уживается и с политическим тактиком первого ранга¹³.

Аввакум для Алданова – всего лишь бесхитростный талантливый еретик, а Ленин – коварный враг, умело разрушающий основы мира:

Нет никакого сомнения, что в лице Ленина история произвела одного из самых глубоких знатоков гражданской войны, ее законов и психологии¹⁴.

---

¹⁰ Алданов М.А. Указ. соч. С. 87.

¹¹ Там же. С. 112.

¹² Алданов М.А. Огонь и дым. Париж, 1922. С. 75.

¹³ Там же. С. 75–76.

¹⁴ Там же. С. 76.

По мнению Алданова, «Ленин был бы идеальным главою раскольничьего скита или первоклассным теоретиком инквизиции»¹⁵. Публицист изучает обстоятельства, проясняющие притягательность коммунистических идей, и обнаруживает их в бунтарской удали русских вождей, Аввакум тоже значится в алдановском списке бунтовщиков¹⁶, хотя его бунт имел совершенно другие – религиозные причины.

Важный этап понимания Аввакума в русском зарубежье связан с именем Д.П. Святополк-Мирского. Мирский помог выпустить первый перевод «Жития», сопроводил его предисловием, более того, свое представление об аввакумовском наследии он изложил в нескольких публикациях¹⁷. В отличие от Алданова, Мирский, возвеличивая гениальность Аввакума, отметит не только религиозный фанатизм, но и его мученичество¹⁸. Допускаем, что Алданов в силу своей любознательности мог ознакомиться с работами Мирского во второй половине 1920-х гг. Другое дело, что на публицистику Алданова 1917–1920-х гг. критик не мог повлиять.

Пожалуй, самым ярким способом восприятия Аввакума было творчество А.М. Ремизова. В зарубежье интерес Ремизова к Аввакуму претворился в оригинальном проекте, частью которого стала публикация в журнале «Версты» «парижского списка» «Жития». Между Ремизовым и Аввакумом обнаружилась природная, бунтарская связь. Алданов же в начале своего творчества был ярым противником подобных бунтарей, очевидно, что и образ Аввакума в сознании Алданова значительно отличался от того мифологизированного, что был у Ремизова.

Работа над своеобразным уточнением образа Аввакума продолжена Алдановым в 1930-е гг. Так, самокритичная фраза Аввакума с признанием собственного невежества, использованная Алдановым в «Армагеддоне», снова зазвучит в очерке «Советские люди (в кинематографе)» при характеристике «всесоюзного старосты» М.И. Калинина. Алданов использует ту же цитату из «Толкований» Аввакума, что уже применял: «...ни ритор, ни философ, дидаскаль-

---

¹⁵ Алданов М.А. Огонь и дым. Париж, 1922. С. 77.

¹⁶ Там же. С. 103–104.

¹⁷ Мирский Д. О московской литературе и протопопе Аввакуме (Два отрывка) // Mirsky D.S. Uncollected Writings on Russian Literature / Ed. by G.S. Smith. Oakland: Berkley Slavic Specialties, 1989. 406 pp.; Он же. О московской литературе и протопопе Аввакуме (Два отрывка) // Евразийский временник. Берлин, 1925. Кн. 4. С. 338–350.

¹⁸ Святополк-Мирский Д. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2005. 964 с.

ства и логофетства не искусен, простец человек и зело исполнен неведения»¹⁹. В повести «Пуншевая водка» несколько неожиданно будут раскрыты личность и подвиг Аввакума. Во внутреннем диалоге Ломоносова о счастье и смысле жизни Аввакум становится подразумеваемым собеседником. Никем не узнанное счастье победы Аввакума, непостижимое торжество его любви к Богу, обретенное в смертельном пламени, сопоставляется с представлением о счастье умирающего Ломоносова, «о самосожжении во имя счастья других» [Шадурский 2018, с. 351]. Формирование образа Аввакума-«собеседника» продолжено Алдановым в разных главах книги «Ульмская ночь». Произведения Аввакума вспоминаются в контексте литературы допетровского времени и сопоставляются с сочинениями Нила Сорского и Андрея Курбского²⁰. Имя Аввакума приводится и в значении неприятного стереотипа – «немецкой Аввакумовщины»²¹ – как признака непреодолимой непреклонности и упрямой принципиальности, идущей в разрез со здравым смыслом. В «Повести о смерти» происходит уподобление сюжетной ситуации сцене «Жития протопопа Аввакума». Поэтизируется образ Ольги Ивановны, чьи страдания соотносятся со страданиями жены протопопа Аввакума: «...Слова “Марковна, до самая смерти” умили Ольгу Ивановну до слез...»²².

Образ протопопа Аввакума собирается в прозе Алданова из разных деталей, мотивов, идей, аллюзий и цитат. Аввакум символизирует удивительную эклектику, которая неприятна Алданову: тонкое чутье русского слова, гениальный дар сочинительства, с одной стороны, и вопиющее невежество, фанатизм – с другой. В публицистических очерках Алданов проявляет художественность, и одна из ее форм – образ этого вождя-бунтаря. В «Ульмской ночи» образ Аввакума соотносится с образами других деятелей допетровской Руси, которые также создаются на основе нескольких текстов литературно-критической или художественно-документальной прозы Алданова. В повести «Пуншевая водка», романе «Повесть о смерти» цитаты из сочинений Аввакума станут фоном для размышлений главных персонажей, оказывающихся в ситуа-

---

¹⁹ Алданов М.А. Советские люди (в кинематографе) // Алданов М.А. Армагеддон. Записные книжки. Воспоминания. Портреты современников / Сост. Т.Ф. Прокопов. М.: НПК «Интелвак», 2006. С. 409.

²⁰ Алданов М.А. Ульмская ночь. Философия случая // Алданов М.А. Сочинения: В 6 кн. М.: АО «Изд-во “Новости”», 1994–1996. Т. 6. С. 363.

²¹ Алданов М.А. Указ. соч. С. 419.

²² Алданов М. Повесть о смерти // Алданов М. Повесть о смерти. Бред. М.: Гудьял-Пресс, 1999. С. 46.

ции подведения итогов, осознания смысла жизненного пути. Образ Аввакума, созданный Алдановым в произведениях разных жанров, не связывается с религиозными представлениями; Аввакум не становится самостоятельным персонажем, не подвергается мифологизации, но включается в систему образов публицистических и художественных произведений. Отрицательный «заряд» Аввакума оказался более востребован в эмоциональной публицистике Алданова, а положительный – в художественной прозе, в создании внутренних диалогов и сюжетных ситуаций.

Источники

- Аввакум.* Из беседы десятой. Беседа о наятых делателях // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. М.: Гослитиздат, 1960. С. 147–148.
- Аввакум.* Письмо к Алексею Копытовскому // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. М.: Гослитиздат, 1960. С. 236–237.
- Алданов М.А.* Огонь и дым. Париж, 1922. 190 с.
- Алданов М.А.* Ульмская ночь. Философия случая // Алданов М.А. Сочинения: В 6 кн. М.: АО «Изд-во “Новости”», 1994–1996. Т. 6. С. 141–438.
- Алданов М.* Повесть о смерти // Алданов М. Повесть о смерти. Бред. М.: Гудьял-Пресс, 1999. С. 25–408.
- Алданов М.А.* Армагеддон // Алданов М.А. Армагеддон. Записные книжки. Воспоминания. Портреты современников / Сост. Т.Ф. Прокопов. М.: НПК «Интелвак», 2006. С. 5–112.
- Алданов М.А.* Советские люди (в кинематографе) // Алданов М.А. Армагеддон. Записные книжки. Воспоминания. Портреты современников / Сост. Т.Ф. Прокопов. М.: НПК «Интелвак», 2006. С. 407–419.
- Житие протопопа Аввакума. СПб.: Наука, 2019. 441 с.
- Святополк-Мирский Д.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Новосибирск: Изд-во «Свиный и сыновья», 2005. 964 с.

Литература

- Сочива 2016 – *Сочива Т.А.* Апокалиптические мотивы в «Книге толкований и нравочучений» протопопа Аввакума // Третьи Мяндинские чтения: Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научной конференции (8–9 июля 2015 г., г. Сыктывкар) / Отв. ред. Т.Ф. Волкова. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. С. 44–50.
- Шадурский 2016 – *Шадурский В.В.* Марк Алданов – комментатор русской классики. Великий Новгород: НовГУ, 2016. 111 с.

- Шадурский 2018 – *Шадурский В.В.* Анализ и интерпретация повести М.А. Алданова «Пуншевая водка» // Производство смысла: Сб. статей и материалов памяти Игоря Владимировича Фоменко / Ред. С.Ю. Артёмова, Н.А. Веселова, А.Г. Степанов. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2018. С. 343–355.
- Шадурский 2019 – *Шадурский В.В.* Поэтика образа Нила Сорского в произведениях Марка Алданова // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 1. С. 178–204.

References

- Sochiva, T.A. (2016), “Apocalyptic motives in the “Book of Interpretations and Moralities” by Archpriest Avvakum”, Volkova, T.F. (ed.), *Tret'i Myandinskii chteniya: sbornik nauchnykh trudov po materialam Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, 8–9 iyulya 2015 g., Syktyvkar* [Third Myandin Conference A collection of scientific papers based on the proceedings of the All-Russian Scientific Conference, July 8–9, 2015, Syktyvkar], Izd-vo SGU im. Pitirima Sorokina, Syktyvkar, Russia, pp. 44–50.
- Shadurskii, V.V. (2016), *Mark Aldanov – kommentator russkoj klassiki* [Mark Aldanov – commentator of Russian classics], NovGU, Velikii Novgorod, Russia.
- Shadurskii, V.V. (2018), “Analysis and interpretation of M.A. Aldanov’s story ‘Punch Vodka’”, Artemova, S.Yu., Veselova, N.A. and Stepanov, A.G. (eds.) *Proizvodstvo smysla: Sb. statei i materialov pamyati Igorya Vladimirovicha Fomenko* [Making sense. Sat. articles and materials in memory of Igor Vladimirovich Fomenko], Tver. gos. un-t, Tver’, pp. 343–355, Russia.
- Shadurskii, V.V. (2019), “The Poetics of the Image of Nil Sorsky in the Works of Mark Aldanov”, *Problems of Historical Poetics*, 2019, vol. 17, no. 1, Russia, pp. 178–204.

Информация об авторе

Владимир В. Шадурский, кандидат филологических наук, доцент, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия; 173003, Россия, Великий Новгород, Большая Санкт-Петербургская ул., д. 41; shadvlad@mail.ru

Information about the author

Vladimir V. Shadursky, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Yaroslavl-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia; bld. 41, Bolschaya Sankt-Peterburgskaya Street, Veliky Novgorod, Russia, 173003; shadvlad@mail.ru